

The image depicts a vast, dark underground cavern being excavated. Several massive, ancient stone pillars stand in the center, some featuring carvings of animals like a lion and a scorpion. Modern construction equipment, including cranes and scaffolding, is visible on the sides. Two green laser grids are projected onto the ceiling, with beams converging towards the center. The scene is lit with a mix of warm yellow lights from the construction site and cool green lights from the lasers.

АНДРЕЙ КОРСАКОВ
ТЕРРА-МИР
КНИГА 1: КЛЕТКА ВРЕМЕНИ

Андрей Корсаков

Терра-Мир. Книга 1: Клетка Времени

<https://litres.ru/74610474>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Терра. Книга 1: Клетка времени» — приквел к трилогии «Терра».

За триста тысяч лет до основных событий цивилизация Колыбели жила в раю, не зная войн и труда. Келем, Хранитель Звёздного Неба, узнаёт: к Терре летит ледяная комета, а защитный панцирь планеты истончается. Совет отказывается верить. Тогда Келем и трое его друзей тайно запечатывают знания расы в вечные кристаллы — чтобы спасти память от забвения.

Но когда мир рушится, в сытых людях просыпается зверь. Страх рождает ненависть, ненависть — раскол. Пока одни молятся мёртвым камням, другие роют подземный Архив, зная, что не переживут Обнуления.

Они ещё не знают, что глубоко под ними базальтовые Т-образные оси тяжести навечно закроет колоссальный курган — тот самый древний памятник Гёбекли-Тепе, который потомки раскопают лишь спустя триста тысяч лет.

«Клетка времени» — трагедия о гибели цивилизации, разучившейся бороться. О людях, которые спасли не себя — а память. Это лишь начало — первый камень в основании огромного Терра-мира.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Терра-Мир. Книга 1: Клетка Времени

Глава 1

Глава 1. «Утопия сытых»

Небо над Анатолийским ложем веками оставалось предсказуемым. Оно дарило мягкое тепло, проливалось ровными, благодатными дождями и никогда не несло в себе угрозы. Цивилизация Келема не знала копоты, грохота тяжёлых механизмов и удушливого дыма — за тысячи лет до его рождения люди этого мира научились жить в абсолютной гармонии с силами самой Земли. Они селились в долинах, где бьющие из глубины геотермальные токи выходили к самой поверхности. Их предки научились улавливать это горячее дыхание планеты, направляя его сквозь Очаги Источника — массивные накопительные мегалиты из белого известняка. Очаги питали города теплом и мягким светом, избавляя людей от необходимости разрушать природу.

Им не нужно было вгрызаться в плоть планеты, строить

глубокие шахты и бурить скважины. Земля сама щедро делилась богатствами: вулканические извержения и древние смещения недр регулярно выносили на поверхность чистые плавленные камни и самородную руду. Люди Келема просто собирали её с земли и обрабатывали мягким тепловым резонансом. Их города плавно огибали зелёные холмы, не оставляя на теле планеты глубоких шрамов. Это был мир абсолютного комфорта, где никто не голодал, не воевал за выживание и не знал изнуряющего физического труда.

Но именно этот вечный покой и беспокоил Келема.

Он стоял на верхней террасе Обсерватории Высшего Совета, прижав глаз к тяжёлому окуляру длинной трубы. Внутри прибора преломлялись грани идеально отполированных хрустальных линз — вершина оптической мысли его народа. Келем был Хранителем Звёздного Неба, и последние несколько лунных циклов он почти не спал.

На самом краю оптического обзора, в созвездии, которое его предки называли Безмолвным Стражем, разгоралась бледная, едва заметная точка. У неё не было чётких краёв звезды. Позади неё тянулся призрачный, полупрозрачный шлейф из космической пыли и замёрзших газов. Точка двигалась, и с каждым рассветом её скорость росла.

Келем опустил руку на парапет Обсерватории. Белый камень, покрытый сложной резьбой в виде летящих птиц, был ещё тёплым от дневного светила. Учёный закрыл глаза, в сотый раз пересчитывая в уме геометрию планетных путей. Математика была безжалостной. Древние хроники, которые в его сытом обществе считались глупыми детскими сказками, оказались пугающей истиной. Раз в несколько десятков тысяч лет планета проходила через очищение. Незримый панцирь Земли — те самые невидимые токи, что защищали мир от ледяного яда космоса — начинал слабеть. Следом неизбежно приходил великий холод.

До начала глобального обрушения их идеального, погрязшего в праздности и бесконечных спорах мира оставалось меньше трёх лет.

Келем собрал свитки с расчётами, плотно уложил их в кожаную сумку и направился в зал Высшего Совета. Ему нужно было убедить тех, кто управлял потоками земного тепла.

Зал Совета встретил его привычным, усыпляющим гулом. Двенадцать Координаторов сидели за круглым столом, высеченным из цельного куска нефрита. Они лениво спорили, вяло перебирая глиняные таблицы. Их не интересовали звёзды. Их умы были заняты распределением запасов недр — они направляли потоки тепла для новых террасных садов и

решали, сколько энергии оставить для северных поселений, а сколько направить для фонтанов столицы.

Главный Координатор, грузный человек с гладким, не знавшим забот лицом, снисходительно взглянул на вошедшего астронома. Высший Совет веками терпел дерзкие речи Келема исключительно из глубокого, непреклонного уважения к его покойному отцу Торину, который упорядочил древние хроники Града и почитался как Хранитель Памяти. Для правителей Келем был лишь чудаковатым наследником великого человека, чей разум был слишком сильно искривлён изучением старых Глиняных Таблиц.

— Келем, наш верный созерцатель пустоты, — мягко произнёс Главный Координатор, не отрываясь от расчётов запасов недр. — Надеюсь, ты пришёл не для того, чтобы снова просить энергию на свои глубокие сканирования неба? Совет уже утвердил расходы на этот сезон. Всё тепло направлено на расширение купален в долине. Жители хотят отдыхать.

Келем выложил свитки на нефритовый стол.

— Нам придётся закрыть купальни, Координатор, — твёрдо сказал он. — И не только их. Приборы на вершинах гор фиксируют сбой. Незримый панцирь планеты колеблется и истончается, пропуская жёсткое излучение звёзд. Но самое

страшное — к нам летит ледяная глыба из глубин системы. Через три года она столкнётся с планетой. Начнётся тьма, и придёт великий лёд. Наш комфортный рай не приспособлен к борьбе. Из-за смещения токов Очаги Источника просто перестанут выдавать энергию, они замерзнут, и мы останемся беззащитны перед стихией!

По залу прошёл тихий, снисходительный смех. Один из Координаторов лениво поправил складки своей лёгкой одежды.

— Келем, природа мудра и сбалансирована, — ответил Главный Координатор, и в его голосе проскользнула скука. — Мы живём в золотой век. Земля кормит нас, её тепло согревает наши дома. Зачем природе уничтожать то, что так совершенно? Ты видишь опасность там, где есть лишь временные колебания климата. Мы не можем остановить жизнь городов и тратить наши силы на твои придуманные подземные убежища. Возвращайся к своим линзам. Не сей панику среди тех, кто привык к покою.

Келем обвёл взглядом лица двенадцати правителей планеты. На них не было злости или ненависти. На них была сытая, непрошибаемая глупость. Они были настолько ослеплены многовековым комфортом, что физически не могли поверить в возможность катастрофы. Для них мир был статич-

ным и вечным.

— Высший Совет слеп, — тихо, но отчётливо произнёс Келем. — Вы делите крохи тепла, пока над вашими головами разверзается бездна.

Он не стал дожидаться ответа. Развернувшись, Хранитель Неба резким шагом покинул зал Высшего Совета, оставив свои расчёты лежать на нефритовом столе. Он знал, что их даже никто не прочитает.

Выйдя на площадь, Келем остановился. Вокруг него шумели нарядные люди, звенел смех, журчала тёплая вода в искусственных каналах. Горожане спорили о стихах, о новых тканях и о том, как обустроить свои жилища. Это были прекрасные, добрые, но абсолютно беспомощные существа, которые погибли в первые же недели зимнего ада, потому что Очаги Источника тепла перестанут отвечать на их запросы.

Келем перевёл взгляд на массивный холм на окраине города. Там, глубоко под землёй, покоились остатки каких-то древних, неизвестных строений, которые его народ нашёл тысячи лет назад, но из-за отсутствия глубоких раскопок так и не смог понять их истинного назначения.

«Мы повторим их путь, — сжимая кулаки, подумал Ке-

лем. — Комфорт сожрал наш разум. Раз Высший Совет не хочет строить убежище, я сделаю это сам. Значит, мы закроем память нашей расы прямо здесь, под этим холмом».

Он знал, что в одиночку ему не справиться. Ему были нужны те единицы, которые ещё не разучились сомневаться. И первым, к кому направился Келем, был человек, который каждый день сталкивался с хрупкостью человеческого тела — верховный лекарь столицы.

Глава 2

Глава 2. «Хранители ремёсел»

В Обители Лечения пахло сухими травами, растёртой хвоей и смолой — естественными ароматами, которые веками помогали восстанавливать природный лад человеческого тела. Пациенты здесь были редкими гостями. В цивилизации Келема люди не знали внезапных моров, тяжёлого истощения сил или скрытого угасания плоти. С самого рождения их жизнь подчинялась строгому и бережному ритму. Еда была умеренной, точно отмеренной для каждого возраста, а мясо поставляли закрытые прифермские угодья, чтобы люди не вмешивались в дикие циклы Каменного ложа. Человеческий организм оставался безупречной частью земного круговорота, и редкие нарушения созвучия плоти легко исцелялись простым тепловым резонансом от Очагов Источника и мягкими настоями трав.

Но Келем шёл не в парадные залы, где изнеженные горожане восстанавливали силы. Он спустился в глубокие подвалы, вырубленные в скале под Обителью, куда не было доступа праздным Координаторам.

Там, в полумраке, Келема ждали трое. Они были давними

друзьями и единомышленниками, тайным кругом учёных, чьи теории официальные столпы науки Высшего Совета давно объявили варварским бредом.

Верховный лекарь Тарвин — человек, знавший всё об устройении плоти и законах живой материи — стоял у массивного каменного стола. Рядом с ним сидел Ур-Наш, мастер звукового резонанса и формовки камня, а в тени у стены молча проверял чертежи Зорес, главный зодчий поверхностных сооружений, чья мастерская располагалась на нижних террасах Града. В комнате горела обычная плошка с животным жиром — примитивный, коптящий фитиль.

Тарвин отложил медный нож, которым счищал кору с дикого горного иссопа, и посмотрел на вошедшего астронома. Чтобы тайно раздобыть эти растения, лекарю пришлось скрытно проникнуть на Полночную окраину заповедника, нарушив строгий закон, ведь стражи диких земель редко проверяли дальние тропы, веря во всеобщий лад общины.

— Судя по твоему лицу, Высший Совет опять выбрал свои купальни, — сухо произнёс лекарь, вытирая пальцы льняной тканью.

— Они называли мои расчёты сказками, — Келем тяжело опустился на каменную скамью. — Они не закроют Очаги.

Они не верят в ледяной шлейф в небе.

— Идиоты, — подал голос зодчий Зорес, сворачивая кожаные свитки. — Они делят тепловые квоты, не понимая, что Очаги Источника берут тепло с самой поверхности. Стоит земле промёрзнуть на три локтя — и наши резонаторы превратятся в бесполезные надгробия.

Келем посмотрел на лекаря:

— Тарвин, я думал, мне придётся долго доказывать тебе... Но ты уже тушишь мягкое тепло Очага и режешь дикие травы вручную. Почему ты поверил мне так сразу?

Тарвин мрачно усмехнулся и подошёл к узкому окну-бойнице, выходявшему на дикие горные склоны.

— Я поверил тебе не сегодня, Келем. Я слежу за твоими записями о Звёздном Небе уже три зимы. И пока ты смотрел вверх, я смотрел под ноги. Твоя теория о том, что незримый панцирь планеты начал сдвигаться и истончаться — это единственное, что объясняет тот хаос, который я вижу в дикой природе.

Лекарь повернулся, его лицо в неровном свете фитиля выглядело суровым:

— Официальные лекари Совета утверждают, что мир в идеальном ладу. Но они не выходят за пределы чистых городских стен. А я выходил. Высоко в горах, на границе плато, дикие сорняки начали засыхать без видимых причин — их выжигает то самое жёсткое небесное излучение, о котором ты предупреждал. Но хуже всего ведут себя звери. Птицы потеряли свои пути. Они сбиваются в огромные испуганные стаи и летят к Полудню на две луны раньше срока. Дикие слоны и саблезубые хищники в лесах стали агрессивными, они сбиваются к подножиям гор, спасаясь от чего-то, что чувствуют их шкуры. Природа кричит о катастрофе, Келем! Живая материя чувствует сдвиг токов Земли гораздо лучше, чем сытые Координаторы в своих нефритовых залах. Наша цивилизация слишком изнежена этим комфортом. Мы намертво забыли, как наши далёкие предки голодали, боролись с дикой стужей и выживали в пещерах. Сила нашего Внутреннего Источника крепка, но эта крепость работает только в тепле. Если наступит хаос, живая кровь в теле людей просто не сможет сопротивляться искажениям дикого мира. Мы погибнем от простых переохлаждений и страданий, к которым не готовы.

— Значит, мы согласны, — тихо сказал Келем. — Город не спасти. Наша задача — сберечь ремёсла. Устройство плоти, свойства диких трав, законы обработки камня и карты

неба. Мы должны запечатать это под холмом, на древних руинах, которые нашли наши предки. Но на чём записать? Земля переварит любую плоть природы, свитки сгниют от сырости, кованые самородки сожрёт коррозия.

Все посмотрели на молчавшего до этого мастера Ур-Наша. Тот поднялся, его тяжёлые, натруженные руки каменщика лежали на столе.

— Металл и известняк мертвы перед временем, — глухо произнёс Ур-Наш. — Но глубоко в остывших лавовых жилах, там, где земля выплескивает свой гнев, я находил кристаллы горного корунда. Прозрачный сапфир. Он чужд тлену, его не берёт ни вода, ни кислота, ни время. Если мы построим Очаг Источника на тонкую, разрушительную частоту звука с помощью резца из закалённого самородка, мы сможем выжечь наши знания внутри этих кристаллов. Планета не сможет переварить их ни за тысячу, ни за сотни тысяч лет. Но нам нужно укрытие. Глубокое укрытие.

Зорес, зодчий, шагнул вперёд:

— Я знаю холм, о котором говорит Келем. Под ним лежат блоки цивилизации, которая погибла задолго до нас. Они выдержали прошлые циклы. Мы прольём Очаги Источника, растопим базальт и зальём этот холм сверху, превратив его в

монолитный курган. Власть подумает, что мы строим новый жертвенный памятник богам, и не станет нам мешать. У нас есть три года, Хранители. Пора приниматься за работу.

Глава 3

Глава 3. «Начертание Терры»

Ур-Наш прижал углы тяжёлой кожаной карты четырьмя массивными кусками самородной меди, которые ещё сохранили неровные наплывы древнего вулканического жара. На смуглой поверхности кожи гигантского лесного оленя соком чернильных ягод были нанесены чёткие, детализированные контуры мира — того самого мира, который их цивилизация называла Террой.

Тарвин и Зорес наклонились над столом. В неверном пламени жирового фитиля очертания суши казались живыми, прочерченными с пугающей хрустальной точностью.

— Это то, что успели собрать наши мореходы и созерцатели неба за века наблюдений, — Келем провёл ладонью по центру карты, где между тремя массивами суши раскинулось Великое Внутреннее Море. — Взгляните на этот узел. Наша Колыбель Мироздания.

Палец астронома остановился на сердцевидном Анатолийском плато, от которого к Полуденной стороне тянулись две тонкие чёрные нити Великого Речного Сечения.

— Наш народ поступил мудро, сосредоточив всеобщее устройство Града здесь, на прочном гранитном фундаменте, в границах этих благодатных саванн. Мы берём ровно столько геотермального тепла и пресной воды, сколько нужно для поддержания лада, не растаскивая Очаги Источника по всему лицу Терры.

Зорес, главный зодчий, кивнул, всматриваясь в бескрайние пространства карты, уходящие далеко к стороне Восхода и стороне Заката.

— Да, но Полуночный Океан Труда пустеет, Келем, — Зорес указал на равнины на Полуночной стороне. — Наши собиратели руды возвращаются оттуда всё реже. Ледники наступают. Те дикие лавовые выходы, где Ур-Наш находил чистые плавленные камни и сапфировые жилы, медленно скрываются под снегом. Наземная добыча на Полуночной стороне становится невозможной.

— Лёд не просто покрывает землю, он движется по законам тяжести, — Келем постучал пальцем по самой верхней границе карты, где были нанесены зловещие белые штрихи Великих Ледяных Шапок. — Официальные столпы науки Высшего Совета утверждают, что этот лёд заперт на краю мира вечной волей природы. Они слепы. Мои расчёты путей

неба показывают: когда незримый панцирь планеты сместится, космическая стужа ударит именно по этим ледяным горам. Они начнут расти. Этот колоссальный ледяной вал двинется к Полудню, сжиная и перемалывая Полуночные земли, превращая наши зоны сбора сырья в ледяную пустыню.

Тарвин, верховный лекарь, внимательно вглядывался в запредельные массивы суши, расположенные за великими водными преградами на Полуденной стороне и далёкой стороне Заката. На карте они были отмечены особыми знаками — кругами, символизирующими неприкосновенность.

— Мы оставили те дальние земли дикой природе, — тихо произнёс лекарь. — Использовали их как гигантские заповедники, запретив человеку ступать туда, чтобы не нарушать всеобщего лада Терры. Там до сих пор бродят первозданные звери и птицы, не знающие нашего тепла. Но если лёд погонит холод с Полуночной стороны, этот баланс рухнет. А что будет со слиянием вод на стороне Восхода?

Палец Тарвина коснулся места, где огромные резервуары Полуночно-Восходящей стороны соединялись в единую водную систему.

— Ледяной вал выдавит воду, — ответил Келем. — Великое Слияние Живых Вод переполнится. Потоки прорвут ка-

менные перешейки и хлынут лавиной к Полудню, затапливая низины. Уровень нашего Великого Внутреннего Моря поднимется на десятки локтей всего за несколько лун. Все прибрежные Очаги Источника уйдут на дно и скроются под толщей ила. Всё, что мы построили на поверхности, будет стёрто. Наша Колыбель Мироздания останется одним из немногих сухих островов среди этого водяного и ледяного ада. Но без притока металлов и сырья с Полуночной стороны, в полной изоляции, мы окажемся в ловушке.

Ур-Наш сжал кулаки, вглядываясь в очертания Анатолийского плато:

— Теперь мне до конца понятна логика тех руин, которые лежат под нашими ногами. Древние, что жили здесь за триста тысяч лет до нас, столкнулись с той же самой географией страха. Они точно так же бежали от великого подъёма вод на эти высоты. И они знали, что поверхностные дома обречены. Поэтому они вырубили свои убежища внутри коренных скал.

— Именно, — Келем выпрямился, и его взгляд стал жёстким. — Мы на пороге великого обнуления. Через три цикла лун эта карта из оленьей кожи станет лишь воспоминанием о мире, который не захотел проснуться. Наш защищённый мир заперт в тисках времени. Зорес, Ур-Наш, у нас больше

нет права на сомнения. Нам нужно точное место на нашем холме — точка глубоко внутри базальтового основания, которую не смоеет Потоп и не раздавит наползающий лёд. Мы должны перенести туда начертание Терры и все законы живой материи до того, как Полночный лёд придёт в нашу Колыбель.

Глава 4

Глава 4. «Голос в камне»

В базальтовом подземелье под холмом пахло раскалённым камнем и остывающей лавой. Здесь, на самой глубине древних пластов, тепло земли ощущалось кожей — геотермальные токи выходили на поверхность прямо сквозь трещины в полу. Ур-Наш стоял у массивной плиты, его тяжёлые, покрытые мозолями руки каменщика уверенно настраивали систему медных резонаторов. Это были глубокие полые чаши разного объёма, отлитые из чистой самородной меди.

Рядом на деревянной подставке покоился малый Очаг Источника, собранный инженером вручную втайне от Высшего Совета.

Келем аккуратно закрепил над медными чашами тяжёлую раму, в которую были вставлены его лучшие хрустальные линзы. На дно улавливающей чаши Ур-Наш положил тонкую, идеально ровную пластину горного корунда — прозрачного сапфира, добытого в лавовых жилах Полуночной стороны. Кристалл казался застывшим куском чистой воды.

— Готово, — глухо произнёс Ур-Наш, отступая на шаг. —

Пропусти ток, Келем. Но плавно. Если резонанс будет слишком резким, камень просто разлетится в пыль.

Астроном повернул медный рычаг на Очаге. Глубинный поток тепла устремился в резонаторы. Подземелье наполнилось тонким, вибрирующим звуком, который стремительно набирал высоту, превращаясь в свист, от которого заломило зубы. Звуковая волна, сжатая геометрией чаш, прошла сквозь хрустальные линзы, сфокусировалась в невидимый, дрожащий луч и ударила точно в центр сапфировой пластины.

Кристалл не раскололся и не нагрелся. Но внутри его прозрачного тела, прямо в толще камня, начал рождаться матовый, вечный след. Звук буквально перестраивал кристаллическую решётку корунда, впекая в него знаки.

Келем развернул кожаный свиток со своими расчётами:

— Сначала мы запишем траектории Безмолвного Стража и циклы путей неба, чтобы они знали, откуда придёт смерть...

— Нет, — жёстко перебил его Тарвин. Лекарь шагнул к столу, закрывая карту неба своей широкой ладонью. — Звёзды подождут, Келем. Если те, кто выживут в ледяном аду, не

будут знать устройства собственной плоти, если они не смогут отличить целебный лад дикой травы от яда и остановить кровь обычной смолой — им будет плевать на твои планеты. Они умрут от дикого мора до того, как успеют построить твою подзорную трубу. Сначала мы запишем законы живой материи.

Келем взглянул в суровые глаза лекаря, затем на Ур-Наша. Мастер камня молча кивнул, соглашаясь с Тарвином.

— Пусть будет так, — тихо уступил астроном. — Устройство плоти — на первой пластине. Ур-Наш, меняй частоту на три тона ниже. Начинаем начертание Узла Живой Крови.

Звук в пещере изменился, став тяжёлым и утробным. Инженер медленно вёл медный рычаг, и невидимый звуковой резец послушно выжигал внутри вечного сапфира тончайшие линии, расходящиеся от Очага Пульса по всему телу. Они работали в полной тишине, прерываемой лишь песней камня. Три года казались им песчинкой перед лицом вечности.

Они успели завершить лишь треть первой пластины, когда тяжёлая дубовая дверь подземелья резко распахнулась. В проёме стоял бледный, тяжело дышащий зодчий Зорес. Его плащ был покрыт влагой.

— Хранители, — Зорес опёрся о косяк, его руки дрожали.
— Бросайте работу. Вам нужно подняться наверх и увидеть это сами.

— Что случилось? Совет нашёл нас? — Келем мгновенно перекрыл поток Очага. Звук оборвался.

— Хуже, — выдохнул зодчий. — На дальних окраинах плато, прямо у главных Очагов Источника, земля остыла. Трава покрылась белой, замёрзшей солью, которая не тает от дневного светила. Старейшины называют это инеем. Стужа Полночной стороны пришла в нашу Колыбель на два цикла раньше моих худших прогнозов...

Глава 5

Глава 5. «Тепличные очаги»

Белая замёрзшая соль на дальних окраинах плато, о которой в тревоге доложил Зорес, не вызвала бури в Высшем Совете. Координаторы лишь лениво отмахнулись, объявив это «редким дыханием Полunoчных гор», которое само исчезнет, как только Очаги Источника наберут полную силу к сезону созревания плодов. Город продолжал жить в сытом, усыпляющем полусне. Жители по-прежнему спорили о стихах в террасных садах, купались в тёплых геотермальных каналах и наслаждались идеальным балансом своего оранжевого мира.

Келем вернулся домой поздно, когда Великое Светило уже скрылось за краем Терры. Его жилище, как и все дома в Колыбели, было высечено из податливого белого известняка и плавно огибало склон холма. Внутри не было дверей и запоров — цивилизация, не знавшая голода и нужды, давно забыла, что такое кража или чужое вторжение. Мягкий, ровный свет струился от напольных плит, согреваемых проходящим под землёй током от центрального Очага Источника.

В обеденной зале его ждала семья. Жена Келема, плав-

ными движениями разливала по глиняным чашам густой настой из сладких ягод и зёрен — вечерние соки, строго выверенные для поддержания лада в теле. Их маленькая дочь сидела на мягком ковре из шерсти лесного оленя, бережно перебирая хрустальные линзы, которые отец принёс из Обсерватории.

— Ты снова хмур, Келем, — тихо сказала жена, коснувшись его плеча. Её рука была тёплой и нежной. В этом мире женщины не знали тяжёлого труда, их кожа оставалась гладкой до глубокой старости. — Совет снова не захотел слушать твои речи о Безмолвном Страже?

— Они слепы, — Келем устало опустился на каменное ложе, покрытое тонкими льняными тканями. — Они делят квоты на распределение тепла, пока панцирь планеты истончается. На окраинах замёрзла трава, а они спорят о ширине новых купален.

— Возможно, ты преувеличиваешь? — в голосе жены не было злости, лишь мягкое недоумение человека, который никогда в жизни не видел зла. — Терра всегда заботилась о нас. Мои прифермские уголья сегодня прислали идеальное, нежное мясо. Завтра мы собираемся всей общиной на праздник Цветущей Лозы. Мир прекрасен, Келем. Зачем тебе искать тьму там, где сияет Великое Светило?

Келем посмотрел на дочь. Девочка прижала хрустальную линзу к глазу и смеялась, разглядывая искажённое, увеличенное пламя масляного фитиля. Она была абсолютно беззащитна. Её плоть, выращенная на защищённой умеренности и вечном тепле, не выдержит и трёх дней настоящей Полуночной стужи. На секунду Келему стало невыносимо горько. Он обнял жену, впитывая тепло её кожи, и промолчал. Он не мог разрушить её тихий, уютный рай раньше времени.

В это же время на другом конце города, в Обители Лечения, Тарвин провожал своего последнего помощника. Когда шаги юноши затихли в коридоре, верховный лекарь запер тяжёлую дубовую дверь на засов — редкое, пугающее действие для этого открытого города.

Тарвин вернулся к своему семейному очагу, который располагался в смежной с лабораторией комнате. Его пожилой отец, бывший когда-то главным хранителем травяных садов, сидел у тёплой каменной стены, растирая сухими, узловатыми пальцами листья дикой полыни.

— Твои Очаги сегодня греют хуже, сын, — проскрипел старик, не поднимая головы. — Камень у меня за спиной едва тёплый. Мои старые кости чувствуют, как внутренний ток в теле начинает колебаться. Живая кровь замедляется.

— Панцирь Земли меняется, отец, — Тарвин сел рядом, помогая старику перебирать горькие стебли. — Келем прав. Скоро Очаги Источника замолкнут совсем.

— Я помню старые предания, которые мне рассказывал мой дед, — старик на мгновение замер, его слезящиеся глаза уставились в темноту угла. — В них говорилось, что когда-то наши предки не имели Очагов. Они кутались в шкуры диких зверей и жгли сухие ветки, чтобы не умереть ночью. Мы смеялись над этими песнями, считали их дикарским вымыслом. Неужели это правда, Тарвин? Неужели плоть может страдать от стужи?

— Правда, отец, — Тарвин бережно сжал сухую, сморщенную ладонь старика. — И нам придётся вспомнить эти дикарские ремёсла. Наше общество разучилось бороться. Если придёт холод, люди Высшего Совета будут просто сидеть у остывающих мегалитов и ждать, пока боги вернут им тепло, пока их Сила Внутреннего Источника окончательно не угаснет.

Тарвин поднялся, подошёл к потайному шкафу и достал оттуда три новые, чистые пластины из прозрачного горного корунда, которые ему тайно передал Ур-Наш. Завтра в подземелье под холмом они должны продолжить выжигать зна-

ки. Времени, вопреки спокойствию Координаторов, оставалось совсем мало.

Глава 6

Глава 6. «Возвращение в круг»

Триста тысяч лет назад человеческая плоть, не знавшая изнуряющего труда, тяжёлой копоты и отравленной воды, жила долго. Сто пятьдесят оборотов Дневного Ока считались естественным пределом, до которого люди доживали в полном здравии и ясности Центра Небесного Тока. Они уходили тихо, когда Сила Внутреннего Источника плавно истощалась, завершая свой природный цикл.

Отец Тарвина ушёл на исходе третьей луны после того, как на плато выпал первый иней. Последние три рассвета старик почти не поднимался с ложа. На его груди, прямо над Очагом Пульса, проступили едва заметные серые тени — его Внутренний Источник, привыкший к безупречному искусственному теплу, не выдержал малейшего дуновения Полночи. Тарвин сидел рядом, растирая сухие ладони отца горьким соком полыни, но законы живой материи были непреклонны. Старик угасал в полной ясности ума, унося с собой память о последних цветущих садах. Перед тем как закрыть глаза навсегда, он крепко сжал пальцы сына и прошептал: «Береги Живую кровь, Тарвин... Очаги врут. Камень не спасёт тех, кто разучился дышать стужей». Его Очаг Пульса за-

медлил ход и остановился в предрассветный час, когда комната окончательно остыла. В его смерти не было мучений — только покой угасающей свечи.

Обряд Возвращения в Круг проходил на восточной окраине города, где геотермальные Очаги Источника были самыми мощными. Цивилизация Колыбели не знала тёмных подземных могил и каменных склепов. Они считали безумием зарывать мёртвую плоть в землю, позволяя ей гнить и отравлять подземные Живые Воды. Человек рождался из щедрости Терры и должен был вернуться в неё без остатка.

Келем стоял рядом с Тарвином на базальтовой платформе у Очага Возвращения. В центре площадки высился массивный мегалит, внутри которого бушевало чистое, сфокусированное белое пламя, рождённое из самого сердца раскалённых глубин.

Тело старика, укрытое простыми льняными тканями и усыпанное сухими листьями горькой полыни, медленно опустили в Очаг Возвращения. Жрец в светлом плаще поднял руки к небу. В Колыбели было много богов — добрых, ненавязчивых сущностей, именами которых люди называли то, что наука пока не могла измерить точными расчётами. Был Бог Небесных Потоков, Бог Живого Камня и Богиня Слияния Вод. Религия не притесняла учёных, она не знала догм и

суровых судов. Напротив, к ней относились с глубоким уважением: жрецы облекали законы Терры в красивые, поэтические напевы. Это помогало тем горожанам, кто посвятил себя созерцанию мира, рисованию или музыке и не хотел углубляться в сухие научные выкладки, находить душевный лад и объяснять себе устройство вселенной через чувства.

— Прими его, Великий Очаг, — нараспев произнёс жрец. Его голос разносился над притихшей толпой. — Очисти плоть огнём недр, верни живую материю в общий круговорот. Пусть его прах станет силой для будущих всходов, а его дыхание растворится в ветрах Терры.

Спустя несколько оборотов Очага Пульса пламя утихло. Ур-Наш бережно собрал чистый, серый пепел в медную чашу. Завтра этот прах отвезут на закрытые фермерские поля Полуденной стороны, чтобы удобрить почву для нового урожая. Человек исчезал полностью, не оставляя на планете ни шрамов, ни костей, ни памяти в камне. Именно поэтому их мир был таким чистым.

Когда толпа разошлась, Хранители остались у остывающего мегалита одни. Из вентиляционных отверстий Очага Возвращения больше не пахло жаром. Воздух вокруг платформы был резким и колючим.

— Жрецы поют красивые песни, — тихо сказал Тарвин, глядя на пустую медную чашу в руках Ур-Наша. — Они говорят, что боги просто испытывают наш лад этим холодом. И люди, склонные верить образам, а не цифрам, охотно идут к ним. Те, кто вчера созерцали пение птиц, сегодня толпятся у жертвенных камней. Они молятся, чтобы Бог Живого Камня снова согрел Очаги. Они тратят драгоценное время на поклоны, вместо того чтобы учиться шить шкуры.

— Высший Совет использует это, — Зорес поправил тяжёлый шерстяной плащ, в который ему пришлось укутаться. — Координаторы выделили жрецам лучшие запасы масел, чтобы те успокаивали народ через веру. Они называют комету в небе «Вестником Очищения» и уверяют, что нужно просто переждать. Наша наука для них — угроза их сытому покою.

Келем посмотрел на Полночную сторону неба. Безмолвный Страж теперь был виден даже днём — бледная, злоедающая полоса разрасталась, забирая у Терры остатки тепла.

— Поэтичная вера хороша, пока мир находится в балансе, — Келем повернулся к друзьям. — Она утешает сердце. Но когда бездна разверзается над головой, вера без точного знания превращается в усыпляющий дурман. Наш защищённый мир засыпает под эти напевы, Тарвин. Твой отец ушёл вове-

мя — он не увидит, как замёрзнет Колыбель. У нас осталось тридцать шесть лун. Кристаллы корунда готовы, Ур-Наш?

— Готовы, — мрачно ответил мастер звука. — Завтра мы начнём выжигать Начертание Терры. И мы запишем там всё: и наши знания, и наши ошибки. Чтобы те, кто раскопают этот холм через сотни тысяч лет, не вздумали молиться камням, когда их панцирь планеты начнёт рушиться.

Глава 7

Глава 7. «Священный курган»

Спустя шесть лунных циклов Колыбель Мироздания изменилась, но Высший Совет по-прежнему отказывался признавать катастрофу. Дневное Око теперь всходило в белесой, морозной дымке, а его лучи больше не согревали воду в открытых каналах. Очаги Источника на окраинах плато то замирали, то снова начинали слабо пульсировать, словно земля тяжело и прерывисто дышала перед долгой болезнью. Но вместо того чтобы забить тревогу, правители нашли спасение в вере.

Жрецы объявили, что Терра требует великого подношения. На окраине города, прямо над древним массивным холмом, Высший Совет приказал возвести грандиозный базальтовый курган — Очаг Умиротворения Богов. Координаторы уверяли, что как только монолит закроет «священную пуповину земли», подземные токи согреваются, а Безмолвный Страж уйдёт обратно в глубины неба.

Для изнеженных горожан, чей склад ума веками был настроен на созерцание и искусство, это строительство стало праздником. Тысячи художников, музыкантов и поэтов, уку-

танных в непривычные для них плотные шерстяные накидки, потянулись к холму. Они превратили тяжёлый труд в красивый ритуал. Люди с песнопениями носили куски колотого белого известняка, вырезали на них фигуры летящих птиц и укладывали их в основание. Они радовались, чувствуя себя частью великого духовного единения, и не замечали, как морозный ветер с Полночной стороны обжигает их лица.

Главный зодчий Зорес стоял на вершине строящегося кургана, бледный и осунувшийся. Ему, как руководителю работ, Высший Совет подчинил всех храмовых мастеров.

— Они поют, Келем, — тихо произнёс Зорес, когда астроном поднялся к нему, пряча под плащом очередную порцию хрустальных линз. — Они поют и славят богов, укладывая камни. Координаторы думают, что я строю алтарь. Они сами привозят мне базальтовую руду из лавовых выходов и топят верхние Очаги, чтобы проливать жидкий камень для скрепления стен. Они своими руками создают для нас вечный склеп.

— Пусть поют, — Келем посмотрел вниз, где на площади у подножия холма жрецы жгли благовония. — Пока они заняты этим великим обрядом умиротворения, Хранители Веры не спускаются в нижние ярусы руин. Как продвигаются шлюзы?

— Я вывел скрытые базальтовые желоба из плавильных чаш прямо в коренное основание холма, к вашей пещере, — Зорес огляделся, проверяя, не слушает ли их кто-то из храмовых помощников. — Когда лёд навалится и Очаги Источника окончательно перемерзнут, нам останется только выбить стопорные клиновые замки здесь, наверху. Расплавленный чёрный камень хлынет по каналам вниз и намертво запечатает вход в ваш бункер трёхметровым слоем. Земля сожмёт этот монолит, и его не разобьёт ни один ледник. Но у этого плана есть изнанка, Келем.

Зодчий посмотрел астроному прямо в глаза:

— Базальтовый замок сработает только изнутри. Кто-то должен остаться внизу, в пещере, до последней секунды, чтобы контролировать приток лавы и закрыть внутренние заслонки. Если замки схватятся раньше времени, камень застынет в желобах и разрушит архив. Если опоздать — лава хлынет внутрь и выжжет сапфиры. Тот, кто будет держать заслонки внизу, уже никогда не поднимется на поверхность. Глубокое укрытие станет его личной могилой.

Келем ничего не ответил. Он лишь крепче сжал в кармане резец из закалённого самородка с формулами небесных орбит.

В это же время глубоко под их ногами, в базальтовой пещере, Тарвин и Ур-Наш работали на пределе сил. Тонкий, свистящий звук медных резонаторов заполнял подземелье. Невиданная частота, сфокусированная хрусталём, бережно перестраивала внутреннее тело прозрачного корунда.

Тарвин не просто следил за гравировкой. Верховный лекарь устроил в углах пещеры сухие хранилища. Он вручную упаковывал в глиняные сосуды, залитые очищенной смолой, семена диких лекарственных трав, горного иссопа и злаков, которые ещё могли расти в холоде. Рядом он складывал выделанные кожи, на которых простыми растительными красками были нарисованы схемы ручного шва плоти и способы очистки Живых Вод без помощи энергии Очагов.

— Третья пластина на исходе, — глухо произнёс Ур-Наш, переводя дыхание. Его лоб был покрыт каплями пота, несмотря на то что в пещере с каждым днём становилось всё холоднее. — Мы полностью записали Устроение Плоти и Начертание Терры со всеми массивами суши. Осталась последняя пластина — твои траектории звёзд, Келем.

Келем, только что спустившийся из надземного шума кургана, молча сел к столу. Наступила пугающая тишина, в которой вибрировал лишь свист угасающего Очага Источника.

— Мы запишем звёзды, Ур-Наш, — Келем развернул свиток. — Но Зорес прав: времени меньше, чем мы думали. Снаружи люди созерцания строят курган и молятся, а лёд уже у нашего порога. Нам придётся выжигать знаки неба вдвое быстрее. Нам нужно успеть до того, как жидкий базальт зодчего навсегда отрежет этот голос в камне от живого мира Терры.

Глава 8

Глава 8. «Огонь и Резонанс»

Жилище мастера Ур-Наша располагалось на самой нижней террасе города, там, где каменное ложе Колыбели круто обрывалось в дикую долину. В отличие от белых, гладких домов Координаторов или воздушной Обсерватории Келема, этот дом был высечен в тёмно-сером базальте. Здесь не было изящной резьбы в виде летящих птиц — стены украшали грубые, тяжёлые сколы, сделанные руками многих поколений плавильщиков.

Внутри пахло пережжённым воском, медью и сухим, едким жаром. Геотермальный поток выходил здесь к самой поверхности сквозь глубокую расщелину прямо посреди жилой залы. Над расщелиной был установлен Очаг Источника — массивный куб из чёрного камня, который Ур-Наш строил так, чтобы тот выдавал не мягкое рассеянное тепло, а плотную, гудящую волну жара, необходимую для плавки самородных металлов.

В семье Ур-Наша оранжерейная изнеженность, поразившая столицу, ещё не успела пустить глубокие корни, хотя законы Колыбели давали детям полную свободу. В этой со-

циальной утопии никто не принуждал человека идти по стопам отцов. Ребёнок с самого детства прислушивался к своим внутренним инстинктам и талантам. Те, кто не чувствовал в себе тяги к тяжёлому камню или сухим расчётам неба, добровольно становились людьми созерцания — уходили в террасные сады, слагали песни или выбивали стихи на мягких Глиняных Таблицах.

Ур-Наш имел троих детей, и этот выбор прошёл прямо через его дом. Старший сын Бран и средний Лир унаследовали его инстинкт — они с детства сидели у медных чаш-резонаторов, учась по изменению вибрации улавливать, когда подземный поток готовится вытолкнуть на поверхность новую лавовую жилу. А вот младшая дочь, Тайя, выбрала путь созерцания. Она не прикасалась к меди и углю, её талантом была музыка — она настраивала Голосовые Кристаллы, заставляя их звучать в унисон с вечерним пением диких птиц.

Но сегодня в базальтовом доме было беспокойно. За длинным каменным столом звенящую тишину нарушал лишь утробный гул чёрного Очага.

Старший сын Бран сидел, низко опустив голову. На его шее висел странный амулет — небольшой осколок белого известняка с вырезанным на нём знаком Бога Живого Камня. Жрецы раздавали такие обереги всем, кто выходил на по-

стройку Священного Кургана.

— Ты надел это, — Ур-Наш не кричал, его голос, привыкший перекрикивать свист плавильных чаш, звучал тихо, но базальтовые стены словно вибрировали в такт его словам. — Ты, мой сын, чьи руки помнят вес плавленого камня, надел известняковую пустышку?

— Отец, на кургане сегодня молились тысячи людей, — Бран поднял глаза, и в них отразился неровный свет Очага. — Жрецы пели, и когда они закончили напев, Очаг Источника на вершине холма выдал мощную, горячую волну. Люди плакали от радости. Земля ответила на их зов! Бог Живого Камня услышал нас. Забудь про сапфировые пластины в подвале, зачем ты заставляешь нас слушать сухие расчёты Келема? Боги вернут лето, нужно просто помочь им построить алтарь!

Ур-Наш медленно поднялся. Его огромная, покрытая шрамами от брызг растопленной меди ладонь тяжело опустилась на нефритовое блюдо, стоявшее на столе.

— Земля ответила не на их напевы, Бран, — глухо произнёс мастер. — Очаг выдал волну, потому что глубоко под гранитным фундаментом Колыбели сдвинулась плита. Незримый панцирь Терры колеблется, токи сжимаются и

ищут выход перед тем, как окончательно уйти вниз. Это суровая физика недр, а не милость невидимых сущностей. Твои жрецы используют этот минутный всплеск, чтобы усыпить твой разум красивыми образами. Завтра эта плита зажмёт канал намертво, и твой Бог Живого Камня превратится в кусок холодного булыжника. Что ты тогда будешь делать со своим амулетом? Будешь греть об него пальцы?

Младшая дочь, Тайя, сидевшая в углу у своего Голосового Кристалла, тихо вздохнула:

— Отец, но ведь песни жрецов дарят людям лад. Им не так страшно смотреть на Безмолвного Стража в небе. Разве утешение — это ложь?

— Утешение хорошо, дочь, пока за ним стоит сила, — Ур-Наш посмотрел на неё с глубокой нежностью, но его голос остался твёрдым. — Но когда на тебя летит космическая стужа, утешение без знания — это ловушка.

В залу вошла жена Ур-Наша, Мира — высокая, сильная женщина со строгим лицом. Она несла деревянный поднос с запечёнными корнями и кусками плотного фермерского мяса. Она аккуратно выложила еду перед мужчинами и положила руку на плечо старшего сына, бережно, но настойчиво снимая с его шеи известняковый амулет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.